

---

## Фольклор и литературоведение

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3 (2=Рус)

Г 37

Герасимова И.Ф.

*Кандидат филологических наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова, e-mail: gif221255@yandex.ru*

### Первая мировая война в поэзии русских футуристов 1914 - 1916 гг. (Рецензирована)

**Аннотация:**

Рассматривается корпус поэтических произведений русских футуристов периода Первой мировой войны. Показана мировоззренческая общность восприятия войны футуристами, объединяющая их с поэтами других течений Серебряного века. Установлено, что, с точки зрения художественной формы, стихам футуристов присуще сохранение особенностей футуристической поэтики. Делаются выводы об эволюции взглядов поэтов-футуристов: от приветствия целей вступления России в войну до единодушного признания антигуманной сущности войны между народами Европы.

**Ключевые слова:**

Первая мировая война, русский футуризм, футуристическая поэтика, танатологические мотивы.

**Gerasimova I.F.**

*Candidate of Philology, Doctoral Candidate of Russian and Foreign Literature Department, Moscow State Humanities University named after M.A. Sholokhov; e-mail: o.voronova@rsu.edu.ru*

### The World War I in poetry of the Russian futurists of 1914 - 1916

**Abstract:**

The paper deals with the poetry of the Russian futurists in the period of the World War I. It demonstrates worldview generality of the World War I perception by futurists, uniting them with poets of other literary currents of Silver Age. It is established that, from the point of view of an art form, preservation of features of futuristic poetics is inherent in verses of futurists. It is inferred that views of poets-futurists evolved: from a greeting the entry of Russia in war to unanimous recognition of antihuman essence of war between the people of Europe.

**Keywords:**

The World War I, Russian futurism, futuristic poetics, thanatological motives.

Первая мировая война оставила неизгладимый след не только в истории вступивших в нее народов, но и в истории многих европейских литератур, включая и русскую. На мировую трагедию народов отозвались представители всех литературных течений Серебряного века. Это символисты (В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Блок и др.), акмеисты (Н. Гумилев, А. Ахматова и др.), а также поэты, изменившие впоследствии свои литературные пристрастия (Р. Ивнев), либо те, чье творчество развивалось вне всяких литературных школ (М. Цветаева и др.). Среди поэтов, не оставшихся в стороне от откликнувшихся на военные события, были как известные авторы (Ф. Сологуб, З. Гиппиус, М. Кузмин и др.), так и те, кто тогда только начинал свою творческую деятельность (например, С. Есенин). Несмотря на различие эстетических платформ, в мировоззренческом отношении их роднит многое. Прежде всего – присущий почти всем русским поэтам на начальном этапе войны пафос патриотического воодушевления, уверенность в будущей победе России, вплоть до нового завоевания Константинополя. *«Россия вновь придет в Царьград... / А минареты рухнут ниц»* [1: 37-38], – утверждал в то время один из основателей «Цеха поэтов» и теоретиков акмеизма С. Городецкий в стихотворении «Царьград» [1: 37-38]. Подобные настроения русских поэтов стали отражением основной идеи Высочайшего Манифеста, в котором говорилось о выступлении Турции – «старого утеснителя христианской веры всех славянских народов» [2: 7] – против императорской России и содержалось предположение, что ее «нынешнее безрассудное вмешательство... в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря» [2: 8]. Схожий мотив долгожданного возвращения когда-то утраченных христианских святынь и восстановления желанной

для славянского мира исторической справедливости характерен для стихотворений В. Гиляровского («Грезы на Босфоре» [3: 47]), Ф. Сологуба («У Босфора» [4: 89-90]), В. Брюсова («Туркам». 21-22 марта 1915 г. [5: 134]) и многих других поэтов.

На фоне общих умонастроений русских писателей особый интерес представляет позиция футуристов. Их произведения обозначенного периода составляют предмет исследования данной статьи.

Известно, что глава итальянских футуристов Филиппо Томмазо Маринетти в девятом пункте своего «Манифеста футуризма» (1909) выразил желание «восславить войну – единственную гигиену мира – милитаризм, патриотизм, разрушительный жест анархистов, прекрасные Идеи, которые убивают, и презрение к женщине» [6: 300]. И хотя представители различных ветвей русского футуризма негативно восприняли приезд теоретика мирового футуристического искусства в Россию в январе 1914 года [7: 54; 8:77-89], тем не менее, В. Маяковский в статье «Штатская шрапнель» (1914) [9] почти дословно процитировал коллегу по цеху: «...Каждое насилие в истории – шаг к совершенству, шаг к идеальному государству» [9]. «Сейчас две мысли: Россия – Война, это лучшее из всего, что мыслится...» [10], – пишет он в статье «Россия. Искусство. Мы» (1914). «Обновляющее влияние войны на личность было популярной темой в русской военной литературе», – замечает видный зарубежный исследователь Б. Хеллман [11: 92].

В статьях В. Маяковского 1914 года постепенно выкристаллизовывается «метапоэтическая формула “штык-перо”» [12: 269-270] из его представления об «искусстве будущего»: «Сегодня нужны гимны...» [9]; «сейчас... каждый – носитель грядущего. Судьбу России решает войско, а ведь войско – мы все...» [13].

И все-таки позиция поэта не осталась неизменной. О неоднозначном отношении В. Маяковского к войне убедитель-

тельно свидетельствует его автобиография, в которой представлена широкая палитра эмоций (от «принял взволнованно» до «отвращения и ненависти к войне» [14: 22-23]). На этот факт неоднократно указывали исследователи его творчества (И.М. Машбиц-Веров, А.А. Михайлов, Ю.А. Карабчиевский и др.). «Взволнованность» (иными словами, патриотическое воодушевление) поэта отчетливо ощущима не только в его стихах 1914 года, но и в статьях этого периода [15: 86].

Так, в работе «Штатская шрапнель. Поэты на фугасах» (1914) будущий «горлан-главарь» констатирует: «Сегодня оно [искусство] хочет ездить на передке орудия в шляпе из оранжевых перьев пожара!» [16], – и призывает беречь индивидуальность каждого художника. Однако В. Маяковского заботит не только содержательная сторона стихотворений, но и вопрос об их художественной форме. Он считает, что отражение небывалого мирового катаклизма в поэзии требует новых художественных средств. Анализируя произведения В. Брюсова, К. Бальмонта, С. Городецкого, В. Маяковский отмечает их «одинаковость»: «И все поэты, пишущие сейчас про войну, думают, что... достаточно в заученные размеры внести слова “пулемет”, “пушка”», чтобы войти «в историю как бард сегодняшнего дня!» [16]. И поэтому не случайно поэзию футуристов В. Маяковский признает единственно соответствующей требованиям исторического момента. Так, цитируя «озарение провидца художника Велимира Хлебникова... сделанное шесть лет назад» («Война за единство славян, откуда бы она ни шла... приветствую тебя!»), В. Маяковский утверждает право братьев по цеху «требовать первенства в царстве песни» [10], называя в другой своей работе «боевые кличи» Хлебникова «славословием мощи, гордости и побед» [17].

Более того, В. Маяковский не ограничивается только похвалой в адрес футуристов или критикой представителей иных

литературных направлений. В статье «Война и язык» [18] В. Маяковский посредством негативного отзыва о сборнике «Война в русской поэзии» [19] и анализа одной из строф стихотворения В. Брюсова «Наши дни» [19: 244] критикует «язык седобородого свидетеля крестовых походов» и призывает к обновлению поэтического арсенала всем пишущим о войне. Собственные требования поэт формулирует следующим образом: «Пересмотр старых слов и словотворчество – вот задачи поэтов. На вчерашней странице стояло Петербург. Со словом Петроград перевернута новая страница русской поэзии и литературы» [17].

Свои теоретические рассуждения данного периода поэт-футурист подкрепляет как собственным поэтическим творчеством, так и сочинениями других авторов. Известно, что 20 ноября 1914 года в московской газете «Новь», где «с середины ноября и весь декабрь 1914 года Маяковский заведует литературным отделом» [21: 118], появилась составленная им подборка стихотворений на литературной страничке под выразительным названием «Траурное ура».

Собственное же поэтическое творчество В. Маяковского начального периода Первой мировой войны представлено такими известными стихотворениями, как «Мысли в призыв» [14: 70-71] «Война объявлена» [22: 23], «Мама и убитый немцами вечер» [23]. В них ярко выражен трагизм восприятия поэтом мировой войны. *«Как хороший игрок, / раскидала шарами / смерть черепа / в лузы могил... А слабым / смерть, / маркер времен, / ори: / “Партия!”»* («Мысли в призыв»); *“Отравим кровью игры Рейна! / Громами ядер на мрамор Рима!..” / “Постойте, шашки о шелк кокоток / вытрем, вытрем в бульварах Вены!..”* («Война объявлена») [22: 23]; *«По черным улицам белые матери / судорожно простерлись, как по гробу газет. / Вплакались в орущих о побитом неприятеле: / “Ах, закройте, закройте глаза газет!”»* («Мама и убитый нем-

цами вечер» [23]). Превалирующие в этих произведениях танатологические мотивы лапидарно переданы средствами футуристической поэтики: натуралистически «овеществлен» антиэстетизм смерти; трагическая расколотость образа мира (дома, семьи) подчеркнута антитетична. Грубая экспрессия утверждена здесь как «своеобразное эстетическое начало» [24: 119].

Анализ творческой истории этих произведений показывает, что запечатленное в них мироощущение будет подтверждено поэтом и год спустя в сборнике «Весеннее контрагентство муз» [24]. В. Маяковский перепечатывает два последних процитированных стихотворения и ставит под ними дату «1915 год» [25: 16-17].

Своеобразную эволюцию в отношении к войне претерпевает и творчество других поэтов-футуристов. Особенно показательны в этом смысле произведения В. Хлебникова (напомним, что в 1914 году вышел из печати «Изборник стихов с послесловием речяря» [26]). Поэт открывает его стихотворением «Из книги “Мирсконца”» [26: 17]. Первая строфа стихотворения соединяет славных героев прошлого: Острицу – предводителя казаков в борьбе против польских завоевателей (XVII в.); всенародно известного героя Отечественной войны 1812 года атамана Платова; казачьего генерала Бакланова, прославившегося позднее, во время Кавказских войн XIX в., – персонажа многих народных солдатских песен, известного своим мощным сабельным ударом. Все упомянутые исторические личности прославились как герои, сражавшиеся во славу России. «Будем грозны, как Острица / Платов и Бакланов / Полно вам кланяться / Роже басурманов / С толпою прадедов за нами // Ермак и Ослябя / Вейся вейся русское знамя / Веди чрез сушу и через хляби!» [26: 17], – пишет автор, напоминая о победоносных битвах предков. В стихотворении нет ни одного знака препинания, исключая финальный восклицательный в конце произведения.

Так боевой арсенал поэтики футуризма, восхищавший В. Маяковского в произведениях Хлебникова, помогает читателю проникнуться героико-патриотическим пафосом его поэзии.

Однако отношение лирического героя стихотворений В. Хлебникова, входящих в «Изборник стихов с послесловием речяря», к событиям мировой войны не остается неизменным. Эволюционируя, оно сохраняет и внутреннюю противоречивость. С одной стороны, в лирике В. Хлебникова этих лет сильны имперские мотивы. Так, в стихотворении «Боевая» [26: 40] повествуется о начале войны («*Радуй Славун, родун Славян, / Не кажи, не кажи своих ран! / Расскажи, расскажи как заслужи твои поло- / нила волна неми с запада яростно / бьющей...*» [26: 40]) [здесь и далее цитаты даны с соблюдением авторского синтаксиса – И.Г.]. В русле державного пафоса, присущего Воззванию Верховного главнокомандующего [27: 24] – великого князя Николая Николаевича – утверждается идея исторического единства славянских народов («Славь идет!.. Славь восстала... » [26: 17]) и раздаются призывы к походу на Запад с тем, чтобы не было больше «подъяремной Руси»: «Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России. Да свершится промысел Божий, благословивший дело великих собирателей земли Русской... Да поможет господь царственному Своему помазаннику императору Николаю Александровичу вся Россия завершить дело великого князя Ивана Калиты...» [27: 24].

В процитированном выше стихотворении В. Хлебникова, стилизованном под фольклорные величальные песни, автор присоединяется к тем русским поэтам, которые стремятся художественно отразить этапы продвижения русской армии по Галиции, усиливающиеся приветствия единения славян.

В других стихотворениях 1914 года той же тематики («Мава Галицийская» [26: 37], «(Хвост Мавки-ведьмы – превратился в улицу)» [26: 39]) лирический герой В. Хлебникова безоговорочно приветствует ведущиеся боевые действия. Параллелизм образов – «потустороннего» и современного автору миров – приводит к усилению танатологических мотивов. Подчеркнутая амбивалентность образов (мир-жизнь и мир-смерть) ярко свидетельствует об антивоенной направленности этого произведения.

Апокалиптичность происходящего передана в стихотворениях В. Хлебникова с помощью одного из основных мифопоэтических приемов: превращения «оборотничества». Однако оно, по воле автора, совершается «с отрицательным знаком»: героиней стихотворения становится улица, возникшая из хвоста Мавки-ведьмы. Поэт рисует картину разрушения, по всей видимости, навеянную польскими событиями: «С концами ярости вчерашней / Ступала ты на пальцах башни / Рабы дабы / В промокиших кожах / Кричали о печали. / А ты дышала пулями в прохожих... / Из пулеметов твоя полька / И из чугунного окурка / Твои Чайковский и мазурка» [26: 39].

Затронуты в рассматриваемых хлебниковских стихотворениях и другие актуальные проблемы исследуемого периода, в частности, проблема «цивилизация и культура», для исследуемого периода, – особенно в связи с событиями в Бельгии, Польше, Франции, сопровождавшимися и уничтожением культурных ценностей, и массовыми убийствами мирных жителей со стороны германской армии. Об этом неоднократно писали многие русские поэты, чьи стихи составили такие сборники, как «Мы помним Польшу» [28], «Песни о Бельгии» [29] и др. Об этом же – строки В. Хлебникова: «А азбуки разрозненные члены // Для площадных торговых ключей» [26: 39]. Картина разрушения привычного мира передана в фина-

ле стихотворения с помощью яркой метафоры: «Паруса под пеной / Подошвы множества величий / Медвежью лапой топча / Порывы в завтра отроча» [26: 39].

Отчетливо выражено в стихотворении В. Хлебникова «Война» [26: 19] (как и в процитированном выше, изобилующем авторскими неологизмами, столь характерными для футуристической поэтики [30: 520]), и отношение народов к войне: «Свинец согласно ненавидим – / Сию железную летаву, / За то, что в цели его видим / Звонко багримую метаву» [26: 19]. Порицает лирический герой не только «немичей», но и «немотичей» – тех сограждан, кто индифферентен к событиям современности.

Лирическому герою стихотворной книги В. Хлебникова весь современный мир кажется воином. Об этом недвусмысленно заявлено в финальном стихотворении – «Мрачное» [26: 41] – мощном антивоенном произведении, в котором подчеркнуто, что война уничтожает человека и все живое в нем: «...Я умер, я умер и хлынула кровь / По латам широким потоком, / Очнулся я, иначе, вновь / Окинув вас воина оком» [26: 41].

Характерно, что основные особенности собственной книги стихов В. Хлебников определил в «Послесловии» к ней. Так, в рассуждении об игре чисел поэт делает выводы об особенностях переживаемого им времени: он выводит цифровую закономерность противостояния «востока против запада» [26: 43].

В заметках «Спор о первенстве» [26: 44] В. Хлебников обнаруживает законы развития человечества в различные исторические периоды, в смене которых усматривает некую разумную последовательность: «Каждое поколение как бы держит в руках игрушку, в которой разочаровывается следующее, и ищет новой» [26: 48]. Таким образом, утверждая антимилитаристскую идею в своем «Изборнике стихов...», автор в то же время приходит к выводу о регулярности смены исто-

рических периодов и о закономерности начала современной ему войны.

Как и стихотворения В. Маяковского, произведения В. Хлебникова исследуемого периода отражают и обличают войну, оставаясь в рамках футуристической поэтики. Это проявляется в синтаксической затрудненности восприятия текста, в избыточном и далеко не всегда мотивированном авторском словотворчестве, в натурализации изображаемого.

Вслед за В. Маяковским и В. Хлебниковым, другой видный русский футурист – Николай Бурлюк (1890 – 1920) – в стихотворении «Жалоба Девы» [25: 26-27] рисует начало Первой мировой войны как всеобщее бедствие. *«Ни солнце на небесном зеве / Ни плотность каменных убранств / Ни первоцветия дары / Не веселят худого тела»* героини стихотворения, чью «сухую кожу» «гладит ветер географических пространств на скалах столбчатых горы» [25: 26]. Столь выразительная образность, вообще присущая поэтике футуристов, усилена далее риторическим вопросом, раскрывающим всю силу отзывчивости русской души: *«Зачем тепла и света больше / Пролито в русские пределы, / Когда во Франции и Польше / И в зиму кровь поля созрела?»* [25: 26].

Высказывает Н. Бурлюк и взлеянную многими мечту о мире – естественном состоянии человечества во все времена: *«Люди ломают поколениям суставки, / Чтобы изведать силу крови, / Но ведают ся уставы / Спокойные под ровной кровлей»* [25: 27].

Как видим, тему покоя и мира поэт (и его лирический герой) связывает с родной страной, выражая тем самым свои патриотические устремления: *«И если я в веках бездневных / На миг случайно заблужусь, / Мне ель хвоей ветвей черевных / Покажет щель в большеглазую Русь»* [24: 27]). Идея процитированного стихотворения «И если я в веках бездневных...» раскрывается с помощью мифологической семантики образа ели как « торже-

ственного символа вечной жизни, вечного покоя и почета» [31: 101]. Недаром ее ветви «черевные» – то есть, согласно историко-лингвистическим исследованиям, «милые, родные, дорогие; свои, одного рода, родня... живые, сущие... чувствующие, чувствительные... яркие, блистающие... ясные, чистые, светлые... хорошие, приятные, красивые, привлекательные, нарядные... большие, здоровые, сильные, плотные, крепкие» [32]. «Реликтовый» эпитет «черевные» свидетельствует о реализации в стихотворении свойственной футуристической поэтике «архаизации» языка.

Наряду с произведениями, вынужденными приветствовать войну как неизбежный в данном случае способ разрешения исторических конфликтов, представляют несомненный интерес и антивоенные поэмы русских футуристов [33]. Особенно примечательна в этом отношении «Поэма событий» [34] К. Большакова.

Произведение полузабытого поэта-футуриста Константина Большакова (1895 – 1938) было опубликовано в 1916 году в издательстве «Пета» и посвящено Ю.А. Эгерту, – другу К. Большакова, поэту и критику: «Вам шепоты печали / Моей». Поэма состоит из двух посвящений, пролога и шести глав. Атмосферу времени передают уже сами их заголовки: «Шаги тревоги», «Город в телеграммах», «Дышат убитые».

Выразительны авторские характеристики времени:

*И смотрю, как падали и падали добровольцы*

*На звоны убитых побед... [33: 7]*

*Снегом выращенный город сутулится,  
Закиданный выкриками телеграфных вестей.*

*И костлявые тощие улицы*

*В хрустящем блеске белых костей,*

*А с экранов кинемо и столбцов набора*

*Гордо раздавались выкрики о победе,*

*Оружие в треске разрушенных ветром заборов*

*Поющей трамвайной меди...* [34: 8]

При этом не только город становится действующим лицом поэмы, но весь мир, охваченный войной: в главе «Она» [слово «война» не присутствует в поэме. – И.Г.] поэт упоминает и Бельгию, и Польшу, подчеркивая постигшую эти страны катастрофу: «*Над телом Польши и Бельгии элегию вымыслов / Одеда в лохмотья газетных сенсаций / И за земною осью вынесла // Вращение судеб двенадцати наций...*» [33: 9]. Гендерная доминанта (феминизация оскверненных вражеским нашествием стран) усиливает натуралистический аспект этой главы и служит еще одним доказательством антигуманной сущности современных поэту военных событий.

Известно, что футуризм как литературное течение нередко воспринимался современниками как явление, близкое к «душевному заболеванию» [35]. Однако военные стихи футуристов скорее свидетельствуют о «безумии» самого мира, вовлеченного в братоубийственную войну. Поэт предчувствует грозящий земле конец времен. Признак приближающегося Апокалипсиса налицо: в поэме К. Большакова «дышат убитые» [34: 10], и «*тяжелый вздох к Престолу Божью // Сошел покорно в белый гроб*» [34: 11]. Лирический герой поэмы находится в подавленном душевном состоянии: «*В костлявых пальцах времени / Высохла, как цветок, душа*» [34: 5]; «*и не довольно... что раскололи... мою бедную душу*» [34: 10]; «*у меня – глаза, как будто в озере // Утопилась девушка, не пожелавшая стать матерью*» [33: 12]. Трагическое мировосприятие распространяет поэт и на адресата своего произведения: «*Вам в сумраке отходящего поезда // Девушка рыданья повесила, как крестик*» [33: 11]. Однако танатологические мотивы, характеризующие современность в поэме К. Большакова, преодолеваются верой лирического героя в наступление лучших времен: «*Ах, не обрызгивать, не обрызгивать больше тро-*

*туары, / Как росой, хрустальным звяканьем шпор*» [34: 12]. Силой, противостоящей разрушению, по убеждению поэта, является любовь: «*Каждую ночь, – ведь это же Вы, – / Спускается ангел в снов моих сумерки // С лучистым взором из синевы*» [34: 13]. «Поэма событий» пронизана и верой в силу искусства, способного противостоять духовной катастрофе, которую несет с собой война: «*Ныне я в прилежном рассказе / ...вам написал про войну. / Поэты грядущие, которых не похоронят / В памяти строчек, открытых всем, / вспомните, что Великой войной в таком полку и в таком-то эскадроне // Убита великолепнейшая из великопленных поэм*» [34: 15]. Отличительной особенностью поэмы К. Большакова становится характерное для русской литературы исследуемого периода явление «художественного синтеза» [36].

Таким образом, анализ поэтических произведений русских футуристов периода Первой мировой войны позволяет сделать выводы о том, что они находятся в общем литературном пространстве русской поэзии тех лет. Как и представители других литературных течений, они проходят путь от первоначальной эмоциональной поддержки вынужденного вступления России в войну до резкого отрицания мировой войны как таковой и признания ошибочности вступления в нее России, в частности.

Отношение поэтов-футуристов к войне выражено средствами присущей им экспрессивной поэтики гораздо более последовательно, чем у поэтов других течений, которые в своих откликах на войну часто отказываются от специфичных для символизма и акмеизма художественных средств в пользу реалистической образности. Особенно характерно для футуристической поэзии периода Первой мировой войны использование таких приемов, как физиологизация и овеществление духовных понятий, доминирование танатологических мотивов, выраженных в образах

---

смерти, тлена, распада, натуралистическое изображение трагических последствий войны, активная реализация экспрессивного потенциала авторского словотворчества.

#### Примечания:

1. Городецкий С. Царьград // Городецкий С. Четырнадцатый год. Пг.: Лукоморье, 1915. 60 [4] с.
2. Высочайший Манифест // Год войны. С 19-го июля 1914 г. по 19-е июля 1915 г.: Высочайшие манифесты. Воззвания Верховного Главнокомандующего. Донесения: от Штаба Верховного Главнокомандующего, от Штаба Главнокомандующего Кавказской армией, от Морского Штаба / Предисловие А. Оглина. М.: Издание Д.Я. Маковского, 1915. 588 с.
3. Гиляровский В. Грезы на Босфоре // Гиляровский В. Год войны: думы и песни. М.: Улей, 1915. 48 с.
4. Сологуб Ф. У Босфора // Современная война в русской поэзии: в 2 ч. Пг.: Тип. Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1915. Ч. II. 252 с.
5. Брюсов В.Я. Туркам // Брюсов В.Я. Семь цветов радуги. Стихи 1912-1915 года. М.: Изд-во К.Ф. Некрасова, 1916. 248 с.
6. Маринетти Ф.Т. Футуризм / пер. и послесл. И. Саблина // Искусство: сб. ст. / отв. ред. Д. Ланин, Д. Озерков. СПб.: Алетейя, 2000. 351 с.
7. Терёхина В.Н. «Только мы лицо нашего времени...» // Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В.Н. Терёхина, А.П. Зименков. М.: Наследие, 2000. 480 с.
8. Алякринская Н.Р. Маринетти в зеркале русской прессы // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2003. № 4. С. 77-89.
9. Маяковский В. Штатская шрапнель // Утренний телефон газеты «Новь» (Москва). 1914. 12 нояб.
10. Маяковский В. Россия. Искусство. Мы // Новь. 1914. 19 ноября.
11. Hellman В. (Хеллман Б.). **Маленький человек и великая война. Повесть Л.Н. Андреева «Иго войны»** // Hellman В. Meetings and Clashes: Articles on Russian Literature / ed. А. Mustajoki, Р. Pesonen, J. Lindstedt. Helsinki University Press, 2009. P. 89-99.
12. Жолковский А.К. О гении и злодействе, о бабе и о всероссийском масштабе (Прогулки по Маяковскому) // Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука: Восточ. лит., 1994. С. 247-275.
13. Маяковский В. Будетляне // Новь. 1914. 14 дек.
14. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: ГИХЛ, 1955-1961. Т. 1. Стихотворения, трагедии, поэмы и статьи 1912-1917 годов / подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. М., 1955. 464 с.
15. Янгфельд Б. Ставка – жизнь / пер. со швед. А. Лавруши, Б. Янгфельда. М.: КоЛибри, 2009. 640 с.
16. Маяковский В. Штатская шрапнель. Поэты на фугасах // Утренний телефон газеты «Новь». 1914. 13 нояб.
17. Маяковский В. Без белых флагов // Новь. 1914. 23 нояб.
18. Маяковский В. Война и язык // Новь. 1914. 27 нояб.
19. Война в русской: сборник / сост. В. Ходасевич. 2-е изд. М.: Универсальная б-ка, 1915. 112 с.
20. Брюсов В.Я. Наши дни // Русская мысль. 1914. Кн. VIII-IX.
21. Михайлов А.А. Маяковский. М.: Молодая гвардия, 1988. 558 с.
22. Маяковский В. Война объявлена // Война. Литературно-художественный альманах. М.: Меч, 1914. 173 с.
23. Маяковский В. Мама и убитый немцами вечер // Новь. 1914. 20 нояб.



- 
24. Паперный З.С. Футуризм: [Русская литература на рубеже веков] // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 8 / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1994. 848 с.
  25. Весеннее контрагентство муз: сборник / под ред. Д. Бурлюк, С. Вермель. М.: Студия Д. Бурлюка и Сам. Вермель, 1915. 107 с.
  26. Хлебников В. Изборник стихов с послесловием речаря. 1907-1914 г. СПб., 1914. 48 с.
  27. Верховный Главнокомандующий Генерал-адъютант Николай. Русскому народу // Летопись войны 1914 года. 1914-1917. № 1. Пг.: Дм. Дубенский, 1914. 24 с.
  28. Мы помним Польшу: лит.-худож. сб. / под ред. М. Моравской. Пг.: Прометей, 1915. 189 с.
  29. Песни о Бельгии, собранные Евгением Вильчинским. Пг.: Т-во В.А. Березовский, 1916. 80 с.
  30. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2 кн. Кн. 2 / РАН, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наследие, 2001. 765 с.
  31. Зигуненко С. Знаки и символы. М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2004. 463 с.
  32. Материалы к словарю исконного русского языка. URL: <http://www.andrej102.narod.ru/estest/nat/natSH/natSH0242a.htm>. (дата обращения 01.06.12).
  33. Филонов П.Н. Проповедь о проросли мировой. Пг.: Тип. Т-ва «Наш век», 1915. 24 с.
  34. Большаков К. Поэма событий. М.: Пета, 1916. 15 с.
  35. Радин Е.П. Футуризм и безумие. Параллели и аналогии нового языка кубофутуристов. СПб.: Издание Н.П. Карбасников, 1914. 48 с.
  36. Кондрашова И.И. Природа художественного синтетизма в творчестве В. Вересаева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2007. № 2. С. 185-189.

#### References:

1. Gorodetsky S. Tsargrad // Gorodetsky S. The fourteenth year. Pg.: Lukomorje, 1915. 60 [4] pp.
2. The royal manifesto // A year of war. From July 19th, 1914 till July 19th, 1915: The royal manifestos. Appeals of the Supreme Commander in Chief. Reports: from the headquarters of the Supreme Commander in Chief, from the headquarters of the Commander-in-chief of the Caucasian army, from the Sea headquarters / Foreword by A. Oglin. M.: D. Ya. Markovsky's edition, 1915. 588 pp.
3. Gilyarovsky V. Dreams on the Bosphorus // Gilyarovsky V. A year of war: thoughts and songs. M.: Uley, 1915. 48 pp.
4. Sologub F. Near the Bosphorus // Modern war in the Russian poetry: in 2 parts. Pg.: A.S. Suvorin's publishing house «New time», 1915. Part II. 252 pp.
5. Bryusov V.Ya. To Turks // Bryusov V.Ya. Seven colours of the rainbow. Verses of 1912-1915. M.: K.F. Nekrasov's publishing house, 1916. 248 pp.
6. Marinetti F.T. Futurism / transl. and afterword by I. Sablin // Art: coll. of articles / ed. by D. Lanin, D. Ozerkov. SPb.: Aleteya, 2000. 351 pp.
7. Teryokhina V.N. «Only we are characters of our time ...» // Russian futurism: Theory. Practice. Criticism. Memoirs / comp. by V.N. Teryokhina, A.P. Zimenkov. M.: Nasledie, 2000. 480 pp.
8. Alyakrinskaya N.R. Marinetti in the mirror of the Russian press // The Bulletin of the Moscow university. Series 10. Journalism. 2003. No. 4. P.77-89.
9. Mayakovsky V. Civilian shrapnel // The morning phone of the Nov newspaper (Moscow).

- 
1914. November, 12.
10. Mayakovsky V. Russia. Art. We // Nov. 1914 . November 19.
  11. Hellman B. A small person and great war. L.N. Andreev's story «The war yoke» // Hellman B. Meetings and Clashes: Articles on Russian Literature / ed. by A. Mustajoki, P. Pesonen, J. Lindstedt. Helsinki University Press, 2009. P. 89-99.
  12. Zholkovsky A.K. On the genius and villainy, on the woman and the All-Russian scale (Walks according to Mayakovsky) // Zholkovsky A.K. Wandering dreams and other works. M.: Nauka: Vostochn. lit. 1994 . P. 247-275.
  13. Mayakovsky V. Budet liane // Nov. 191. December 14.
  14. Mayakovsky V.V. Complete works: in 13 v. / The USSR AS. The institute of world lit. of A.M. Gorky. M.: GIKhL, 1955-1961. V. 1. Verses, tragedies, poems and articles of 1912-1917 / text preparation and references by V.A. Katanyan. M., 1955. 464 pp.
  15. Yangfeldt B. The rate is life / transl. from Swedish by A. Lavrusha, B. Yangfeldt. M.: Kolibri, 2009. 640 pp.
  16. Mayakovsky V. Civilian shrapnel. Poets on fougasses // The morning phone of the Nov newspaper. 1914. November 13.
  17. Mayakovsky V. Without white flags // Nov. 1914. November, 23.
  18. Mayakovsky V. War and language // Nov. 1914. November 27.
  19. War in the Russian lyric poetry: a collection / comp. by V. Khodasevich. 2nd ed. M.: Universalnaya biblioteka, 1915. 112 pp.
  20. Bryusov V.Ya. Our days // Russkaya mysl. 1914. Book VIII-IX.
  21. Mikhaylov A.A. Mayakovsky. M.: Molodaya gvardiya, 1988. 558 pp.
  22. Mayakovsky V. War is declared // War. Literary and art almanac. M.: Mech, 1914. 173 pp.
  23. Mayakovsky V. Mother and the evening killed by the Germans // Nov. 1914. November, 20.
  24. Paperny Z.S. Futurism: [The Russian literature at the turn of centuries] // History of the world literature: in 8 v. V. 8 / The USSR AS, The institute of world lit. of A.M. Gorky. M.: Nauka, 1994. 848 pp.
  25. Spring counteragency of muses: a collection / ed. by D. Burlyuk, S. Vermel. M.: D. Burlyuk and Sam. Vermel's studio. 1915. 107 pp.
  26. Khlebnikov V. Izbornik of verses with rechar's afterword. 1907-1914. SPb. 1914. 48 pp.
  27. Supreme Commander General aide-de-camp Nikolay. To the Russian people // Chronicle of war of 1914. 1914-1917. No. 1. Pg.: Dm. Dubensky, 1914. 24 pp.
  28. We remember Poland: lit. and art coll. / ed. by M. Moravskaya. Pg.: Prometheus, 1915. 189 pp.
  29. Songs about Belgium, collected by Evgeny Vilchinsky. Pg.: Patnership V.A. Berezovsky, 1916. 80 pp.
  30. The Russian literature of the turn of centuries (1890 – the beginning of the 1920): in 2 books. Book 2 / RAS, The institute of world lit. of A.M. Gorky. M.: Nasledie, 2001. 765 pp.
  31. Zigunenko S. Signs and symbols. M.: AST: Astrel: Tranzitkniga, 2004. 463 pp.
  32. Materials to the dictionary of primordial Russian. URL: <http://www.andrej102.narod.ru/est-est/nat/natSH/natSH0242a.htm>. (date of address 01.06.12).
  33. Filonov P.N. The sermon on the world young growth. Pg.: Typography of the partnership «Our century», 1915. 24pp.
  34. Bolshakov K. Poem of events. M.: Peta, 1916. 15 pp.
  35. Radin E.P. Futurism and insanity. Parallels and analogies of the modern language of cubo-futurists. SPb.: Publication of N.P. Karbasnikov, 1914. 48 pp.
  36. Kondrashova I.I. The nature of art synthesis in V. Veresayev's works // The Bulletin of the Adyge State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2007. No. 2. P. 185-189.